

ЭСТЕТИКА В ПОИСКАХ ПАРАДИГМЫ

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНИК «ЭСТЕТИКА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ. В 2-Х ЧАСТЯХ»

*Под общей редакцией С. Б. Никоновой, А. Е. Радеева.
2-е издание, переработанное и дополненное.
М.: Юрайт, 2018. ISBN 978-5-534-07135-1*

АРТЕМ ТЫЛИК

Тылик Артем Юрьевич — кандидат философских наук, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: tylik-fh@yandex.ru

Статья представляет собой рецензию на учебник «Эстетика. История учений», вышедший в свет в 2018 году. Рассматриваются концепции редакторов учебника С. Б. Никоновой и А. Е. Радеева, а также вклад каждого автора в текст учебника. Цель рецензии — обратить внимание на ряд важных методологических и теоретических проблем, стоящих перед современной эстетической мыслью.

Ключевые слова: Эстетика, история эстетики, учебник по эстетике.

AESTHETICS IN SEARCH OF PARADIGM

REVIEW OF THE BOOK

“AESTHETICS. HISTORY OF CONCEPTIONS”

Ed. by S. Nikonova, A. Radeev, M.: Jurait, 2018

Artem Tylik

PhD in Philosophy, St. Petersburg, Russia.

E-mail: tylik-fh@yandex.ru

This article is a review of the textbook “Aesthetics. History of Conceptions”, published in 2018. The theories of the textbook editors S. Nikonova and A. Radeev, as well as the contribution of each author to the text of the textbook are considered. The purpose of the review is to draw attention to a number of important methodological and theoretical problems facing modern aesthetic thought.

Key words: Aesthetics, history of aesthetics, textbook on aesthetics.

В 2018 году в свет вышло двухтомное издание под амбициозным названием «Эстетика. История учений. В двух частях. Учебник для бакалавриата и магистратуры». Издание вышло под общей редакцией С. Б. Никоновой и А. Е. Радеева, к работе над текстом были привлечены крупнейшие специалисты в области эстетической мысли. Кажется очевидным, что профессиональное сообщество не может оставить проект такого значения и масштаба без всестороннего обсуждения. Выход учебника, на наш взгляд, — отличная возможность открыть дискуссию по многим принципиальным вопросам как содержательного, так и методологического характера. Наш текст — приглашение к диалогу.

Вначале несколько слов о жанрах. Что представляет собой «учебник по философии» как особый литературный жанр? по данному вопросу можно выделить несколько взаимоисключающих точек зрения. Многообразие мнений о возможности и необходимости учебника по философии отражает многообразие взглядов на природу самой философии, ее предмет, задачи, роль и границы.

Учебник по какой-либо области философского знания или же философии в целом кажется чем-то естественным и даже само собой разумеющимся в том случае, если мы определяем философию как *одну из* научных дисциплин. Наука производит достоверные, рационально обоснованные суждения, передача которых из поколения в поколение может осуществляться в формате особого рода текстов, называемых в нашей культуре «учебники». От биологии или социологии философию отличает только *предмет* изучения: биология изучает «жизнь», социология «общественные отношения», а, например, эстетика (как философская дисциплина) — «эстетический опыт». Философия, в таком случае, производит некоторое количество достоверных суждений об эстетическом опыте, которые, конечно, могут быть переданы, в том числе в форме учебника.

Задача, однако, становится несколько более трудной в том случае, если мы, развивая линию Канта, определяем философию уже не как *одну из* научных дисциплин, но как дисциплину, проясняющую основания самой науки, а также иных человеческих практик. В данном случае эстетика, рассматривая, к примеру, способы употребления некоторых понятий (аналитический метод), может заявлять о себе как о дисциплине, проясняющей основания научного искусствознания. Однако и в этом случае учебник по философии представляется возможным и даже необходимым, разве что его форма и содержание оказываются менее очевидными.

И, наконец, задача становится вовсе невыполнимой, в том случае, если, давая определение философии, мы порываем с традицией сциентизма: философия — не научная дисциплина, философия не дает оснований науке. Все мы помним знаменитые пассажи М. К. Мамардашвили: «Во-первых, философия не есть система знаний, какой является физика, математика, ботаника и другие увлекательные предметы. И во-вторых, философское знание вообще не передается путем обучения» (Mamardashvili, 2010, 15). Непередаваемость философского знания путем обучения делает крайне проблематичной и даже наивной саму идею учебника по философии.

Мы видим, таким образом, что *еще до всякого содержания* значимым оказывается сам факт публикации. Публикуя

новый учебник, авторы утверждают (вольно или невольно): философия (эстетика в данном конкретном случае) является академической дисциплиной, обладающей собственным *предметом* и *методологией*.

Стоит ли говорить, что сегодня данное утверждение относительно философии разделяют не все.

С одной стороны, существует целая плеяда философов, сознательно дистанцирующихся от научности и академичности, определяя философию и как особый режим письма, и как политический (в самом широком смысле) жест, и как экзистенциальный проект, и как «археологию», и как «деконструкцию», но только не как науку. Представители данного лагеря настаивают на том, что философия никогда не была наукой, что философия и сегодня ею не является, поскольку решает иные, отличные от научных, задачи.

С другой стороны, существует мощная критика со стороны авторитетных ученых, утверждающих, что философия не имеет ни собственной методологии, ни собственного предмета: те задачи, над которыми философия тщетно билась в течение многих столетий, сегодня способны успешно решать частные научные дисциплины, а каких-то иных, специфически философских задач попросту *не существует*. Философия, в таком случае, — не более, чем этап в истории западной мысли: этап, пришедший на смену мифу и уступивший место естествознанию.

Первый вариант критики, очевидно, не затрагивает философию как самостоятельную интеллектуальную дисциплину. Суть здесь в отличии философии от науки, в предании ей самостоятельного автономного статуса. Куда опаснее для философии критика второго рода — сциентистская критика. В данном случае под сомнение ставится философия как таковая, отрицается необходимость существования философии здесь и сейчас.

Будет ли сильным преувеличением утверждать, что эстетика, сформировавшись как самостоятельная философская дисциплина в XVIII веке, уже в веке XX становится, кажется, наиболее уязвимой мишенью критики сциентистского типа? Если этики, политические философы, философы языка и онтологи, отбиваясь от обвинений всемогущих ученых, по крайней мере,

могли назвать область своих интересов, то эстетики — словно юнцы, впервые оказавшиеся на скамье подсудимых, — постыдно путались в показаниях. Одна часть философов утверждала, что эстетика занимается аналитикой чувственного познания («чувственности» в современной трактовке), другая, что предметом эстетики стоит считать искусство, и, наконец, третья, ссылаясь на многие авторитеты, утверждала за эстетикой статус философии красоты. И если еще в XVIII веке в сознании бюргера «чувственность», «искусство» и «красота» действительно составляли особого рода *единство*, то уже для обывателя XX века (современника Выготского и Дюшана) связывание данных понятий в единый узел представлялось не более чем насилием над мыслью и языком.

Критика не останавливается даже в том случае, если мы соглашаемся (впрочем, на каких таких основаниях?) считать предметом эстетики и красоту, и чувственность, и искусство. Вездесущий ученый скажет: чувственность познает психология, искусство — искусствознание, с красотой все, конечно, сложнее, однако, возможно, эволюционная биология ответит нам на вопрос, почему снежинка (мы, кажется, называем ее красивой) нравится всем без исключения представителям нашего вида. Иначе говоря: что такого может сказать философия о «чувственности», «искусстве» и «красоте», чего не может сказать психология, искусствознание и биология?

Возможно, коллеги обвинят меня в излишнем радикализме, однако, выскажу свое мнение: сегодня, учебники, статьи, монографии по эстетике, избегающие принципиальных ответов на поставленные выше вопросы, не заслуживают внимания. Тем радостнее читать и рецензировать текст, избавленный от стремления уклониться от принципиальных вопросов.

Можно, конечно, сказать, что в данном конкретном случае авторы не обязаны отвечать на поставленные вопросы, поскольку речь идет не об учебнике по эстетической *теории*, а об учебнике по *истории* эстетических учений. Действительно, на первый взгляд, кажется, что жанр «учебник по истории философских учений» защищает автора от тех методологических передраг, с которыми связано написание учебника по философии. Однако на деле жанр «история философских учений»

представляется нам не менее, а, возможно, и более проблематичным. Зачем обращаться к изучению истории философии? не лучше ли заниматься актуальными теоретическими проблемами? Разве физики, математики или биологи уделяют столько внимания изучению истории своих дисциплин?

По данному вопросу философы и методологи высказывались неоднократно. В концептуально насыщенном *Введении* к учебнику С. Б. Никонова и А. Е. Радеев предлагают собственные ответы на поставленные вопросы. Во-первых, петербургские философы отмечают, что «современное представление о науке и философии прочно связывает любое теоретическое представление с тем, как оно раскрывалось в истории» (Nikonova & Radeev, 2018, 10), и это вовсе не пресловутая болезнь историзма, но, скорее, специфика философского знания. Действительно, стало очевидным со временем, что даже аналитические философы, преисполненные пафоса анти-историзма, нуждаются в регулярных и весьма обширных исторических экскурсах, необходимых для проработки именно *теоретической* проблематики. Во-вторых:

даже если и согласиться с тем, что одной из болезней современных гуманитарных наук является именно болезнь историзма, даже если признать, что зачастую теоретическое решение какой-либо проблемы в философии не обязано полностью и безоговорочно опираться на исторические данные, даже если допустить, наконец, что между историей науки, историей философии, историей эстетики с одной стороны, и их теориями с другой, может образовываться пропасть — настолько, что они могут развиваться независимо друг от друга, — все это, напротив, говорит о том, что пути исследования истории эстетики должны быть самыми многообразными, что история эстетики может и должна быть самостоятельной областью изучения... (Nikonova & Radeev, 2018, 10).

В-третьих: важнейшей особенностью истории эстетических учений является то, что она находится в тесном взаимодействии не только с эстетической теорией, но и с еще одним элементом — эстетической практикой. Взаимовлияние трех отмеченных элементов делает исторические изыскания по эстетике дискурсом, открытым «к решению теоретических проблем и к формированию качественно иного способа эстетической практики» (Nikonova & Radeev, 2018, 11). Сказанное убеждает. Однако историческое изыскание способно поднять-

ся над фактологией только в том случае, если движимо четко поставленной целью, выходящей за рамки фиксации фактов, имен и цитат. Авторы учебника «Эстетика. История учений» предлагают нам эту цель: «Действительно ли история эстетики представляет собою не серию разрозненных исторических казусов, а последовательное разворачивание эстетической проблематики? на этот вопрос и пытается ответить наше учебное пособие» (Nikonova & Radeev, 2018, 10).

Трудно переоценить актуальность поставленной цели. В свете представленной выше критики, звучащей в адрес эстетики повсеместно, вопрос о том, есть ли у эстетики собственная проблематика, кажется судьбоносным. В том же *Введении* дается очерк концепции, детально проработанной, в докторской диссертации С. Б. Никоновой (Nikonova, 2013), ряде ее статей и монографии (Nikonova, 2012). Согласно данной концепции эстетика сегодня может не только претендовать на статус самостоятельной дисциплины с уникальным проблемным полем, но и, по мысли Вольфганга Вельша, с которым С. Б. Никонова солидарна, заменить метафизику на месте «первой философии».

На первый взгляд, ответ С. Б. Никоновой на вопрос о предмете эстетических изысканий не представляется оригинальным: эстетика говорит нам о *красоте*. Данное утверждение кажется тривиальным. Однако как только философ принимается раскрывать понимания красоты, сложившееся в ряде классических метафизических систем, мы оказываемся втянутыми в глубокое историко-философское размышление, выводящее данный феномен далеко за пределы его психологической интерпретации. Разбирая пассаж из Г. Паламы, С. Б. Никонова задействуют для разъяснения утверждаемого им понятия красоты целый каскад метафор: красота определяется как *сияние*, как «дополнительный эффект, нечто сверх рационального постижения, но одновременно и нечто, имеющее самое непосредственное отношение к сущности Бога, мира или человека в их актуальном присутствии» (Nikonova & Radeev, 201, 7), как «*свечение невидимого*, как нечто большее, чем то, что просто существует, как некий “прорыв к трансцендентному”». Опыт красоты не связан с какими-то эксклюзивными практиками, но, обладая свойством тотальности, проявляется повсеместно: в культе, искусстве и украшательстве,

повседневности. (Nikonova & Radeev, 201, 8). Однако, по мысли Никоновой, многочисленные метафизические концепции красоты, характерные для философии Античности и Средневековья, вовсе не являются предметом *философской эстетики*. Собственно философская эстетика появляется в тот момент (Новое время), когда осуществлен переход от метафизики к аналитике *всегда субъективных* эстетических суждений (эстетической оценки).

Несколько иначе смотрит на проблемное поле эстетики соавтор С.Б.Никоновой — А.Е.Радеев, настаивающий в своей докторской диссертации и многочисленных публикациях на принципиальном определении эстетики как науки об *эстетическом опыте* (Radeev, 2017), (Radeev, 2016). В основе концепции А. Е. Радеева лежит фундаментальное представление о наличии трех типов опыта: познавательного, религиозного и эстетического. И хотя, как верно указывает А. Е. Радеев, на сегодняшней день сформировалась обширная библиотека работ посвященных понятию «эстетический опыт», исследователи раз за разом совершают как минимум две роковые ошибки.

Первая ошибка восходит к Канту и заключается, в сущности, в том, что «эстетический опыт» подменяется «эстетической оценкой». Эстетика в таком случае становится ветвью аксиологии — наукой об эстетических ценностях. Однако, как утверждает А. Е. Радеева, эстетическая оценка («это красиво») является чем-то радикально отличным от эстетического опыта, более того, чем-то, что эстетический опыт нивелирует, останавливает и подавляет.

Вторую ошибку А. Е. Радеев вскрывает, оппонировав Гегелю и таким современным авторам как Л. Лангребе и Ж. Рансьер. Суть данной ошибки заключается, по А. Е. Радееву, в том, что «эстетический опыт» отождествляется с «опытом художественным», а эстетика с философией искусства. Оппонировав данным авторам, А. Е. Радеев указывает на тот очевидный, в общем-то, факт, что эстетический опыт, порождаемый видом из моего окна, нисколько «не хуже» эстетического опыта, порождаемого картиной Ван Гога. Более того, указывая на работы Ингардена, Берлеанта, Мура, А. Е. Радеев поддерживает развиваемую ими мысль, согласно которой эстетический опыт может существовать независимо («по ту сторону») от эстетического объекта.

Суть методологических изысканий А. Е. Радеева можно сформулировать следующим образом: преодоление указанных выше ошибок, доставшихся современной теории в наследство от классиков, позволит нам выстроить эстетику в виде *науки об эстетическом опыте как таковом*. В докторской диссертации А. Е. Радеев не только обосновывает данный проект, но и предлагает вариант его разрешения, выстраивая концептуальный фундамент такой науки.

Высказывая по многим позициям схожие идеи, С. Б. Никонова иначе, чем А. Е. Радеев видит конечный пункт эстетической мысли. Согласно С. Б. Никоновой, эстетика как самостоятельная наука, сформировавшись в XVIII века в контексте суровой протестантской Германии, «имеет резкое отличие от того восторга перед сиянием красоты, который пронизывал собой и древние религии, и античную метафизику, и средневековое богословие, и гуманистический энтузиазм Ренессанса» (Nikonova & Radeev, 2018, 8-9). Красота не возникает более из опыта, затрагивающего глубинную суть мироустройства (реальность), но принимает форму субъективной оценки — суждения вкуса («это красиво»). Становление эстетики как автономной области знания, связано, таким образом, с осознанием того факта, что мы никогда не имеем дела с реальностью как таковой (можно сказать: «в себе»), а «весь мир — лишь поток феноменов сознания». По мысли С. Б. Никоновой данная установка была проявлена именно в рамках эстетики, однако, вскоре, распространилась на все области человеческих знаний и практик. С. Б. Никонова утверждает: с момента своего зарождения, эстетика, являя собой «некий “незатемненный” уровень сознания, вполне ясно понимающего, что мы не можем пробиться за поток явлений и эффектов к глубинной метафизической сути бытия» (Nikonova & Radeev, 2018, 9) дает основание любого рода практикам и суждениям (художественным, философским, научным, религиозным). Вот почему эстетику можно и нужно оценивать не как маргинальную область философского знания, занятую частными проблемами и вопросами, но как центральное звено философской культуры Нового времени.

Таковы в общих чертах взгляды ученых, выступивших редакторами учебника «Эстетика. История учений». Можно

предположить, что все последующие статьи, выстроенные в хронологическом порядке, будут служить подтверждением этих концепций. К чести редакторов нужно сказать, что, в противоположность этому, авторам была предоставлена полная свобода в ответах на вопросы, волнующие эстетическую мысль сегодня. В итоге, учебник представляет собой весьма пеструю мозаику, авторов которой объединяет, пожалуй, только одно: высочайший уровень компетенции, а также смелость и концептуальная точность в решении сложных проблем, стоящих перед эстетической историографией и теорией.

Вслед за главами, посвященными концепциям красоты Древнего Востока и Античности и их влиянию на художественную практику (С. Б. Никонова) следуют главы, раскрывающие данную проблематику на материале Средневековой культуры и Возрождения, написанные крупным специалистом А. Г. Погоняло. Отмечая трудность, с которой всякий раз сталкивается исследователь, решающий говорить об «эстетике до эстетики», А. Г. Погоняло раскрывает глубинные философские и мировоззренческие основания, фундирующие «эстетические» представления человека Средних Веков и Возрождения.

Нельзя не отметить огромный вклад в изучение истории эстетических учений В. В. Прозерского. Для учебника В. В. Прозерский подготовил главы, посвященные становлению эстетики как самостоятельной философской дисциплины, эстетике Канта, Гегеля, Шеллинга, взгляду позитивистов на эстетическую проблематику, а также своеобразие и самобытности российской эстетической мысли: от символистов, формалистов и Бахтина до постмарксистской эстетики 1990-х годов. Исследования В. В. Прозерского отличает поистине безграничная эрудиция, острота мысли и глубина наблюдений. Чрезвычайно важными представляются нам выводы В. В. Прозерского о решающем влиянии эстетической теории на рождение искусства как автономной сферы европейской культуры.

Помимо уже отмеченных глав, С. Б. Никонова дает характеристику эстетических взглядов А. Шопенгауэра и Б. Кроче, а также предлагает очерк развития эстетической проблематики в рамках аналитической философии, до сих пор остающейся на периферии внимания российских интеллектуалов. Замечательный

очерк состояния дел в современной российской эстетике представляет Е. Н. Устюгова (в соавторстве с А. Е. Радеевым). Кроме того, Е. Н. Устюгова, известная работами по теории стиля, подготовила для учебника главы по эстетике XVII в., эстетике романтизма, а также эстетике постмарксизма (совместно с В. В. Прозерским). Эстетику XVIII века, а, кроме того, эстетические идеи М. Дюффрена и Ж.-П. Сартра разрабатывает Э. П. Юровская, знакомая читателю не только работами по философии экзистенциализма, но и переводами Ж. Делеза. О русской эстетике XVIII-XIX вв. пишет, раскрывая философские основания символизма, Н. С. Джежер. Значение в теории XX века рецептивной эстетики рассматривает Л. Н. Полубояринова.

В целом, авторов учебника отличает правомерное стремление видеть эстетическую проблематику в работах философов и теоретиков, не являвшихся эстетиками по «научной специальности». Так, А. А. Грякалов, развивая влиятельные идеи, изложенные в многочисленных книгах и статьях, раскрывает посредством концептов «письмо», «свидетельство», «утверждение» эстетику Василия Розанова, а также дает глубокий анализ разработки эстетической проблематики в рамках структурализма. А. Е. Радеев представляет итоги многолетнего исследования эстетики С. Кьеркегора, Ф. Ницше, Л. С. Выготского. Отдельно рассматривается концепция «образцового читателя» в творчестве У. Эко. А. М. Сидоров не только дает очерк эстетических граней марксизма и постструктурализма, но и рассматривает эстетические идеи А. Бергсона. Н. М. Савченкова, будучи одним из ведущих отечественных специалистов по психоаналитической практике и теории, широко освещает развитие эстетических тем в этом влиятельнейшем направлении западной мысли.

И, конечно, нельзя не сказать о вкладе в учебник «Эстетика. История учений» Т. А. Акиндиновой. Татьяна Анатольевна посвятила жизнь исследованию немецкой философии. Результаты ее исследований представляют живой интерес для молодых поколений российских ученых. Думаю, главы, написанные Татьяной Анатольевной для учебника, можно считать программными в её творчестве. Простое перечисление тем, затронутых в учебнике Татьяной Анатольевной, дает представление о широте её исследовательских интересов, масштабе личности

и эрудиции: эстетика Канта, Гете и Шиллера, концепции неокантианцев, рождение психологии, эстетические взгляды Хайдеггера и Ясперса, эстетический потенциал герменевтики.

Несколько слов в заключение. Главным достоинством учебника «Эстетика. История учений» представляется нам его полилогичность. Сознательно и неосознанно блестящие авторы, двигаясь вокруг тем, стягивающих на себе эстетический дискурс, вступают в многочисленные диалоги, иногда споря, иногда поправляя, иногда развивая и дополняя друг друга. Подобного рода текст представляет историю эстетики как живое образование, способное стимулировать мысль, порождая новые исследовательские программы.

Какое место займет данный учебник по истории эстетики в самой истории эстетики — покажет время.

Главное, чтобы история продолжалась.

REFERENCES

- Mamardashvili, M. (2010). *Ocherk sovremennoi evropeiskoi filosofii* [Essay on Modern European Philosophy]. Moscow: Progress-Traditsiya, Fond Meraba Mamardashvili. (in Russian)
- Nikonova, S. (2012). *Esteticheskaya ratsional'nost' i novoe mifologicheskoe myshlenie* [Aesthetic Rationality and New Mythological Thinking]. Moscow: Soglasie. (in Russian)
- Nikonova, S. (2013). *Estetizatsiya kak paradigma sovremennosti. Filosofsko-esteticheskii analiz transformatsionnykh protsessov v sovremennoi kul'ture* [Aestheticization as a Paradigm of Modernity. Philosophical and Aesthetic Analysis of Transformation Processes in Modern Culture] (Unpublished doctoral thesis), St. Petersburg State University, Russia. (in Russian)
- Nikonova, S., & Radeev, A. (Eds.). (2018). *Estetika. Istoriya uchenii* [Aesthetics. The history of the teachings] (Vols. 1-2). Moscow: Yurait. (in Russian)
- Radeev, A. (2016). *Esteticheskii opyt kak problema* [Aesthetic Experience as a Problem]. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Theory and Practice], №7-1 (69) (129-132). Tambov: Gramota. (in Russian)
- Radeev, A. (2017). *Filosofskaya analitika esteticheskogo opyta (istoricheskie i teoreticheskie aspekty)* [Philosophical Analysis of Aesthetic Experience (Historical and Theoretical Aspects)] (Unpublished doctoral thesis), St. Petersburg State University, Russia. (in Russian)